Коновалов Кирилл Андреевич

ЧЕРНОЕ ДУХОВЕНСТВО В КИТАЙ-ГОРОДЕ XVII В.

В работе рассматривается черное духовенство как составная часть населения Москвы XVII в. (на примере Китайгорода). Целью работы является анализ социальной динамики данной категории населения и выявление ее движущих сил. Автор приходит к выводу об активном участии черного духовенства в социальных процессах, протекавших в городе, и о государственной политике в области культуры и религии как основном факторе, определявшем положение московского монашества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 78-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на aдрес: voprosy hist@gramota.net

NOTION OF SOCIAL REALITY IN ANCIENT PHILOSOPHY

Kseniya Evgen'evna Kovalenko

Department of Empirical Sociology and Conflictology Altai State University barnaulka@rambler.ru

The author reveals the content of the notion "social reality" and its transformation in ancient philosophy, pays special attention to the philosophical views of Socrates, Plato and Aristotle, as views on social reality nature have their origin in Ancient Greece, and believes that the study of the history of the notion "social reality" origin is the methodological basis of society analysis.

Key words and phrases: social reality; material world; being; man; state.

УДК 94(47).047

В работе рассматривается черное духовенство как составная часть населения Москвы XVII в. (на примере Китай-города). Целью работы является анализ социальной динамики данной категории населения и выявление ее движущих сил. Автор приходит к выводу об активном участии черного духовенства в социальных процессах, протекавших в городе, и о государственной политике в области культуры и религии как основном факторе, определявшем положение московского монашества.

Ключевые слова и фразы: монастырь; монастырское подворье; архиерейское подворье; конкурентная борьба за территорию; учебное заведение; культура; образование.

Кирилл Андреевич Коновалов

Кафедра истории России Московский педагогический государственный университет bookworm@bk.ru

ЧЕРНОЕ ДУХОВЕНСТВО В КИТАЙ-ГОРОДЕ XVII В.[©]

Практически в каждом исследовании, посвященном истории Москвы, большое внимание уделяется городским монастырям. Однако они традиционно рассматриваются либо как памятники архитектуры, либо как культурные учреждения [2, с. 28–45; 4, с. 240–260; 6; 7, с. 92]. История черного духовенства как социальной группы, входившей в состав городского населения, до сих пор не являлась предметом самостоятельного исследования. В советской историографии была достаточно подробно исследована история монастырских слобод в Москве, но поскольку их население относилось не к духовенству, а к торговоремесленным социальным группам, это нельзя признать решением проблемы [1, с. 211, 216, 219; 13, с. 271–272, 280]. К этому необходимо добавить, что история монастырских и архиерейских подворий, в отличие от монастырей, практически не изучена. Зачастую они просто перечисляются, нередко даже без указания времени их возникновения или упразднения [5, с. 109-110]. Поэтому изучение истории московского монашества сохраняет свою актуальность.

Одним из основных центров монашеской жизни в Москве являлся Китай-город. Старейшие монастыри данного района – Богоявленский и Николо-Греческий – были основаны, соответственно, в XIII в. и в XIV в. Оба они располагались на Никольской улице. В XVI в. на Ильинке были основаны Ильинский монастырь и единственная в истории Китай-города женская обитель – Мироносицкая. В начале XVII в., также на Никольской улице, был основан Заиконоспасский монастырь. Таким образом, в первой трети XVII в. на территории данного района располагались пять монастырей. Однако после опустошительного пожара 1626 г. два из них – Ильинский и Мироносицкий - были упразднены. Традиционно это объясняется уничтожением монастырских зданий во время пожара. Однако вряд ли пожар был единственной причиной, так как от него пострадали и остальные обители Китай-города. Чрезвычайно интересна в этом отношении приписка в «строельной книге Кремля и Китай-города» 1626 г., относящаяся к Богоявленскому монастырю: «а мирских людей не пущать селиться дворами на монастырь» [10, д. 17, л. 58]. Как отмечали сами составители «строельной книги», «в московское разоренье многие всяких чинов люди сошли к Москве... и поставили свои дворы» [Там же, л. 3-4], причем многие сделали это «самовольством». Мощный приток населения в возрождающуюся после Смуты столицу привел к перенаселению ее центральных, ограниченных стенами, районов. Стремясь закрепиться в городе, «всяких чинов люди» нередко прибегали к самозахвату земельных участков под дворовую застройку, в том числе и на территории монастырей. Монастырские власти, по-видимому, не выдерживали конкуренции, и монастыри, расположенные на густо населенной Ильинке, просто исчезли под натиском многочисленных мелких дворовладельцев. В условиях, когда правительство фактически утратило контроль над градообразующими процессами, такое развитие событий представляется вполне вероятным.

-

 $^{^{\}odot}$ Коновалов К. А., 2012

Монастыри же, расположенные на аристократической Никольской, где плотность застройки традиционно была не столь велика, сумели сохранить свою территорию, но и им для защиты от самозахватов пришлось заручиться поддержкой верховной власти. Регламентация застройки после пожара 1626 г. пресекла попытки мирских дворовладельцев отнять у монастырей часть их территории, и в дальнейшем подобных попыток не наблюдается. По-видимому, правительство, уже надежно контролировавшее ситуацию в городе, неукоснительно оберегало интересы монастырей.

Позднее всех из монастырей Китай-города был основан Знаменский. Его главный храм – церковь Знамения Богородицы – был построен в XVI в. купцами Ховриными в качестве домовой церкви. После их перехода в боярство церковь вошла в состав двора Романовых, с которыми Ховрины состояли в родстве. Сам же Знаменский монастырь был основан в 1631 г. в память о смерти матери царя Михаила, «великой старицы» Марфы Ивановны [4, с. 259–260; 8, с. 140]. Таким образом, на территории Китай-города со второй трети XVII в. действовали четыре монастыря. Данные о составе их братии содержатся в «Ружной розметной книге» 1699 г. Так, штат Знаменского монастыря состоял из настоятеля (имевшего в разные периоды чин то игумена, то архимандрита), четырех «черных попов», двух дьяконов и 34 монахов. В Богоявленском монастыре проживали архимандрит, три священника, два дьякона и 25 монахов. Братия Николо—Греческого монастыря в XVII в. состояла из архимандрита, «черного попа», дьякона, просвиряка (поскольку женщины работать в монастыре не могли, традиционно женскую работу просвирницы в нем выполнял мужчина) и 12 монахов. Самым маленьким в Китай-городе был Заиконоспасский монастырь: помимо настоятеля, имевшего в конце XVII в. особый чин строителя, в его штат входили только 5 монахов, а также священник и дьякон придельной церкви Воздвиженья Честного Креста [3, ст. 495-499]. Таким образом, всего в братию монастырей Китай-города в XVII в. входили 80 монахов и 16 иеромонахов различного сана.

За пределами своих монастырей обычно проживали только иеромонахи, служившие в монастырских церквях. Известно, например, что в начале 1650-х гг. у Москворецких ворот стоял двор попа Вознесенского монастыря Демида, с которого, однако, он был сослан в ходе «церковного строения» 1657 г. [Там же, ст. 31]. Чертеж Зачатьевской улицы и прилегающих к ней переулков, предположительно датируемый 1671 г., отмечает на данной улице 3 двора священников церквей Новоспасского монастыря и столько же дворов причта церкви свв. Козьмы и Дамиана, «что за Чудовым монастырем» [9, д. 484, ч. 2, № 4, л. 1-3]. В 1695 г. пономарь этой же церкви снимал жилье на чужом дворе [11, д. 966, л. 28]. Можно заключить, что в Китай-городе на собственных дворах или в качестве съемщиков жилья проживали только служители монастырских церквей Кремля. Случаев отдельного проживания членов причта монастырских церквей, стоявших в Китай-городе, в источниках не отмечено. По всей видимости, если такие случаи и имели место, то за пределами Китай-города, так как в данном районе, где постоянно шла жесткая конкуренция за дворовые места, монастырским священникам просто не хватало места. Что же касается простых монахов, то случаи их проживания вне монастырей носят характер редчайшего исключения. Так, в 1626 г. среди захребетников, снимавших жилье в Китай-городе, назван «старец Иринарх», хотя и без указания, к какому монастырю он был приписан [10, д. 17, л. 71]. Этот случай, очевидно, можно объяснить расстройством монастырской жизни в Смутное время.

Помимо монастырей и в редких случаях частных дворов, черному духовенству в Китай-городе принадлежали также подворья, делившиеся на монастырские и архиерейские. Подворья предназначались для временного проживания архиереев или представителей монастырской администрации во время их приездов в Москву, выполняя, таким образом, функции центров связи провинциального духовенства с высшими светской и духовной властями. Впрочем, подворья в Китай-городе могли иметь и монастыри, располагавшиеся в других частях Москвы, что позволяло им расширить свою территорию. В первой трети XVII в. на территории Китайгорода располагались 8 монастырских подворий. В конце Никольской улицы, у ворот, располагалось Калязинское подворье, а ближе к Ильинским воротам - подворье Спасо-Ярославского монастыря. У Гостиного двора, на бывшем дворе гостя М. Антонова, еще с 1540 г. находилось подворье Троице-Сергиевой лавры. За ним, по крайней мере, с 1566 г. располагалось подворье Иосифо-Волоколамского монастыря, в просторечии называвшееся «Осиповским». В Посольском переулке, шедшем с Ильинки на Варварку, располагалось подворье Боровского Пафнутьева монастыря, а в соседнем Ипатьевском – одноименное подворье, принадлежавшее Ипатьевскому Печерскому монастырю. На Москворецкой улице в первой трети XVII в. было основано подворье Брянского Свинского монастыря. С этого же времени в источниках появляются сообщения о подворье кремлевского Чудова монастыря, расположенного в Зарядье, вблизи церкви Зачатия св. Анны [Там же, л. 22, 23, 37, 43, 49, 50, 60 об., 76]. В то же время в период Смуты из Китай-города исчезли некоторые подворья, например, Алексеевского, Петровского и Саввино-Сторожевского монастырей [1, с. 210]. Что же касается архиерейских подворий, то к подворью Новгородского архиепископа, основанному еще в XVI в. и располагавшемуся на Ильинке, за Гостиным двором, в первой трети XVII в. прибавилось только одно – подворье Ростовского митрополита, располагавшееся в начале Варварки, поблизости от Гостиного двора.

По мере возникновения и развития новых центров монашеской жизни в Китай-городе продолжали появляться новые монастырские подворья. По крайней мере, с 1644 г. в Посольском переулке, шедшем с Ильинки на Варварку, располагалось подворье Соловецкого монастыря. В 1653 г. на месте старого комплекса зданий Богоявленского монастыря было основано подворье Свияжского Богородицкого монастыря, в просторечии называвшееся Казанским. В 1655 г. было основано Иверское подворье, располагавшееся в Посольском переулке, который с этого времени стал называться также Иверским. После основания Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря ему был выделен земельный участок под подворье на Ильинке. В 1676 г. на бывшем дворе боярина И. А. Милославского было размещено подворье Нижегородского Благовещенского монастыря.

В 1684 г. подворье московского Покровского, «что на Убогом дому», монастыря, находившегося в Заяузье, было перенесено на Москворецкую улицу [3, ст. 11, 18; 5, с. 99-100].

«Переписная книга Китай-города» 1695 г. фиксирует в данном районе Москвы 11 монастырских подворий. Большинство подворий, названных выше, к этому времени продолжали функционировать. Однако к 1695 г. из Китай-города исчезли 4 подворья Свинского, Чудовского, Свияжского Богородицкого и Нижегородского Благовещенского монастырей. В то же время в Китай-городе продолжали появляться новые монастырские подворья. Так, на южной стороне Никольской улицы появилось подворье расположенного напротив Богоявленского монастыря. Таким образом, Богоявленский монастырь существенно расширил свою территорию. В несохранившемся Певческом переулке, соединявшем Никольскую улицу с Ильинкой, появилось подворье Спасо-Андроньева монастыря. На Введенской улице, шедшей с Ильинки на Варварку, было основано подворье Спасо-Прилуцкого монастыря. На самой Варварке появились подворья расположенного на той же улице Знаменского монастыря, существенно расширившего таким образом свою территорию, а также Крестного монастыря [11, д. 966, л. 3-37]. Таким образом, количество вновь появившихся подворий превзошло количество упраздненных. Приходится констатировать, что тенденция к увеличению числа монастырских подворий в Китай-городе сохранялась практически на всем протяжении XVII в. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в последней трети столетия монастыри, находившиеся в Москве и даже в самом Китайгороде, также стали стремиться к расширению своей территории за счет подворий. Это свидетельствует об обострении конкурентной борьбы за землю в границах Китай-города. В последние годы XVII в. количество монастырских подворий несколько снизилось. «Ружная розметная книга» 1699 г. насчитывает в Китай-городе 10 монастырских подворий, но не называет, каким монастырям они принадлежали [3, ст. 495-499].

Перепись 1695 г. фиксирует значительное, по сравнению с первой третью XVII в., увеличение числа архиерейских подворий. Если «строельная книга» 1626 г. упоминает только двух архиереев, имевших местопребывания в Китай-городе, то в 1695 г. их уже было восемь. К Новгородскому и Ростовскому подворьям прибавились Вологодское, Казанское, Воронежское, Нижегородское, Смоленское и Белгородское [11, д. 966, л. 3-37]. Таким образом, к концу XVII в. свои представительства в Китай-городе имели чуть менее половины епархий РПЦ. Можно предположить, что основной рост количества архиерейских подворий пришелся на период патриаршества Никона. Для проведения масштабных реформ требовался жесткий контроль над церковной иерархией, осуществлять который можно было только на основе постоянных связей между епархиями и Москвой. Роль своеобразных «опорных пунктов» данных связей и выполняли архиерейские подворья. По всей вероятности, и после свержения Никона правительство Алексея Михайловича продолжало курс на укрепление церковной иерархии и ужесточение контроля над ней со стороны верховной власти. Основной целью данного курса стало уже не проведение реформ, а борьба с расколом и, возможно, со сторонниками бывшего патриарха из числа высшего духовенства. В первые годы царствования Петра I данный курс был, видимо, несколько ослаблен, так как «Ружная розметная книга» 1699 г. насчитывает в Китай-городе только шесть архиерейских подворий, не называя, к каким епархиям они относились [3, ст. 495-499]. В эти же годы было сокращено государственное финансирование монастырей. Особенно пострадал Богоявленский монастырь, сумма ружных выплат которому сократилась с 21 рубля 15 алтын 2 денег до 6,5 рублей. Руга Николо-Греческого монастыря уменьшилась не столь значительно - с 16 рублей 32 алтын 3 денег до 15 рублей 29 алтын 3 денег. Заиконоспасский и Знаменский монастыри вообще не пострадали: первый - благодаря своему статусу «учительского», а второй – домового монастыря царской семьи («верхового», по терминологии того времени) [Там же, ст. 408, 495-499].

Отдельно необходимо остановиться на значении Китай-города как центра культуры и просвещения, так как основным носителем культуры в допетровской России было именно черное духовенство (единственным московским учреждением культуры, не имевшим непосредственного отношения к монашеской жизни, был Печатный двор). Первое известное учебное заведение в Москве было образовано в кремлевском Чудовом монастыре в первой трети XVII в. В роли организатора выступил патриарх Филарет, благодаря чему школа была известна под названием Патриаршей. Как следует из самого названия, основной упор в обучении делался на классические языки [4, с. 76]. Игумен Заиконоспасского монастыря Макарий (1630-е гг.) основал в своей обители школу, главным преподавателем в которой стал Арсений Грек. Адам Олеарий, очевидно, не знавший о существовании школы Филарета, отмечал, что в Заиконоспасском монастыре впервые в России стали изучать латинский и греческий языки [12]. После смерти Макария школа, по всей вероятности, прекратила свою работу. Однако в 1665 г. при этом же монастыре Симеон Полоцкий основал школу, преобразованную позднее в училище, для подготовки подьячих приказа Тайных дел. Есть сведения, что в 1660-х гг. училище было основано также в Зарядье, при церкви Грузинской Божией Матери [14, с. 72]. По-видимому, основными предметами в этих учебных заведениях также являлись греческий и латинский (возможно, также польский) языки.

В 1680 г. впервые удалось создать крупную регулярную школу. Она размещалась на территории Печатного двора и поэтому была известна под названием Типографского училища. Училище давало широкое общее образование: в его программу, помимо грамматики, входили греческий язык, риторика, география, возможно, также история. Училище просуществовало до зимы 1687-1688 гг., когда было объединено со Спасской школой (будущей Славяно-греко-латинской академией). Данная школа, называвшаяся также Греческой, так как преподавание в ней велось на греческом языке, была основана в 1685 г. Первоначально она располагалась в Богоявленском монастыре, но через два года переехала в Заиконоспасский, уже стяжавший себе репутацию «учительского». Ее возглавили два видных греческих богослова – братья-иеромонахи Иоанникий и Софроний (Лихуды). В программу обучения входили грамматика, поэзия, риторика, диалектика, логика и физика. После отстранения Лихудов от преподавания (в том числе из-за противодействия патриарха

Иерусалимского Досифея, враждебно относившегося к светскому образованию) училище возглавили их русские ученики – Н. Семенов и Ф. Поликарпов. В 1701 г. преподавательский состав значительно обновился за счет учителей из Киева, приглашенных в Москву Стефаном Яворским. Новый ректор Академии Палладий Роговский, не знавший греческого языка, перевел преподавание на латынь и русский язык. Эта традиция сохранилась до третьей четверти XVIII в., когда преподавание стало вестись на всех трех языках (собственно, тогда за академией и закрепилось название Славяно–греко–латинской) [4, с. 253–254; 5, с. 108-109].

Описывая образовательные учреждения, располагавшиеся на территории Китай-города, необходимо упомянуть также Немецкую школу, основанную на Новгородском подворье в 1704 г. В соответствии с новыми требованиями, которые стали предъявляться к образованию в петровское время, основной упор в новом учебном заведении был сделан на современные иностранные языки [5, с. 109]. Позднее школа была переведена в Санкт-Петербург, Москва же осталась центром классического образования.

Из вышеизложенного следует, что отличительной чертой московских учебных заведений был их несамостоятельный характер. Они возникали на базе учреждений, располагавших достаточными площадями для организации обучения и значительным числом образованных сотрудников для формирования преподавательского состава. Поэтому Китай-город с его крупными монастырями, в каждом из которых существовали богатые культурные традиции, подходил для размещения училища значительно лучше, чем даже Кремль. В кремлевских монастырях и соборах, ориентированных на обслуживание царской семьи и высшего духовенства во главе с патриархом, не складывалось условий для самостоятельного культурного развития (повидимому, этим и объясняется достаточно быстрая ликвидация школы Филарета). С другой стороны, Китайгород, являвшийся, в отличие от Кремля, не административным центром, а, собственно, городским районом, предоставлял более широкие возможности для отбора одаренных учеников. Этими особенностями данного района Москвы и объясняется его выдающаяся роль в истории российского образования.

Необходимо отметить, что о роли черного духовенства в социальных процессах, протекавших в Китайгороде, приходится говорить с известной осторожностью, поскольку основание либо упразднение монастыря, особенно в городской черте, было достаточно редким событием. Тем не менее, можно констатировать, что монастыри, расположенные в городе, являлись активными участниками борьбы за территорию: они защищались от самозахватов со стороны светских дворовладельцев, а также сами занимали дополнительные площади под свои подворья. Положение духовенства во многом зависело от поддержки верховной власти. Поэтому в периоды масштабных политических кризисов монастыри могли потерять часть своей территории, а с укреплением государственности вновь переходили в наступление на город. Более четко прослеживается динамика в положении монастырских и архиерейских подворий. Если в первом случае возможность иметь подворье в Москве в основном зависела от экономических возможностей и политического веса монастыря, то количество архиерейских подворий определялось степенью централизации Церкви и устойчивости связей между Патриархатом и отдельными епархиями. При этом подворья также были вовлечены в борьбу за территорию: одни из них исчезали, другие возникали вновь. Во второй трети столетия в несколько раз выросло число архиерейских подворий, что являлось отражением процесса централизации Церкви. Упрочению позиций черного духовенства также способствовало интенсивное развитие классического образования, ориентированного на богословие и древние языки, основным центром которого стал Китай-город. Однако с началом петровских преобразований ситуация коренным образом изменилась. Причиной этого был не только курс на ослабление независимости Церкви, проводимый царем-реформатором, но и принципиально новый подход к культуре вообще и образованию в частности. Развитие образования, ориентированного на точные и естественные науки, а также современные европейские языки, выдвинуло на позиции основного носителя культуры дворянство, а духовенство стало восприниматься чуть ли не как символ отсталости. В результате влияние монашества на жизнь города начало снижаться, хотя в начале XVIII в. данная тенденция еще не слишком заметна. Культурное значение Китай-города (как и Москвы в целом), непрерывно возраставшее в течение XVII в., также снизилось: в начале XVIII в. роль основного центра культуры и просвещения быстро переходит к вновь основанному Санкт-Петербургу, изначально мыслившемуся Петром не только как политическая, но и как культурная столица. Все вышесказанное, впрочем, не отменяет большого значения монастырей Китай-города в развитии русской культуры и образования.

Список литературы

- 1. Бахрушин С. Население Москвы в XVI в. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1947. Т. 4. № 3. С. 201-219.
- 2. Бусева-Давыдова И. Л. Москва: архитектурный путеводитель. М.: Эксмо, 1997. 512 с.
- 3. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. 2. 1608 ст.
- 4. Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: исторический обзор. М., 1893. 685 с.
- 5. Малиновский А. Ф. Обозрение Москвы. М.: Эксмо, 1992. 256 с.
- 6. Мартынов А. А. Знаменский монастырь и палаты бояр Романовых. М., 1861. 64 с.
- 7. Молокова Т. А., Фролов В. П. История Москвы в памятниках культуры. М.: Эксмо, 1997. 360 с.
- 8. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Наука, 1982. 503 с.
- 9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 27. Оп. 1.
- **10. РГАДА.** Ф. 210. Московский стол.
- 11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21.
- 12. Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. 543 с
- 13. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М. Л.: Наука; Лениздат, 1948. Т. 2. 738 с.
- **14.** Сытин П. В. История московских улиц. М.: Эксмо, 2008. 510 с.

REGULAR CLERGY IN KITAY-GOROD OF THE XVIITH CENTURY

Kirill Andreevich Konovalov

Department of Russian History Moscow Pedagogical State University bookworm@bk.ru

The author considers regular clergy as the part of Moscow population of the XVIIth century (by the example of Kitay-gorod), analyzes the social dynamics of this population category, reveals its motive power, and comes to the conclusion about regular clergy's active participation in the social processes taking place in the city, and state policy in the sphere of culture and religion as the main factor determining the position of Muscovite monks.

Key words and phrases: monastery; monastery town church; hierarchal town church; competition for territory; educational institution; culture; education.

УДК 343.913

В статье исследуются междисциплинарные научные подходы к понятиям, связанным с психическими отклонениями осужденных. Автор рассматривает терминологический аппарат, отражающий соответствующие девиации, критически оценивает сформировавшиеся в отечественной теории психиатрии и криминологии мнения ученых относительно предложенных ими определений, предлагает определение понятия «психическая девиация осужденного».

Ключевые слова и фразы: психическая девиация; психическая патология; психические расстройства; психическая аномалия; пограничные психические состояния; девиация; отклонение; вменяемость; невменяемость; дееспособность; недееспособность; психические расстройства, не исключающие вменяемости.

Андрей Владимирович Кулаков

Кафедра уголовного права и криминологии Самарский юридический институт ФСИН России Kulakov-sui@yandex.ru

ПОНЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПСИХИЧЕСКИМИ ДЕВИАЦИЯМИ ОСУЖДЕННЫХ: ДИСКУССИОННЫЕ ПОДХОДЫ $^{\circ}$

Результаты исследования пенитенциарной преступности осужденных с психическими девиациями показали, что в криминологической науке остается достаточно открытым и полемичным вопрос об этимологии понятия «психическая девиация» и его смысловых аналогах.

Действительно, чтобы определить какая дефиниция наиболее точно сможет отразить признаки того или иного психического отклонения осужденного, совершившего пенитенциарное преступление, необходимо обратиться к различным дискуссионным подходам ученых-психиатров и криминологов.

Следует отметить, что ученые многополярно подходят к вопросу этимологии психических аномалий, отклонений, девиаций, расстройств, патологий и пограничных психических состояний. В каждое понятие заложен определенный психиатрический атрибут.

В настоящее время не сформулировано четкого определения тех негативных психических явлений, которые обусловливают совершение противоправного деяния осужденными. Кроме того, не выработан единый подход к вышеуказанному явлению, в результате чего достаточно проблематичной становится его интерпретация, и, как следствие этому, невозможность выявления детерминантов пенитенциарной преступности осужденных.

Отсутствие единого общепринятого законодательного определения медицинских (психиатрических) терминов «психическая девиация», «психические патологии», «психические расстройства», «психические аномалии», «пограничные психические состояния» и «психические отклонения» справедливо порождает различные понимания этих важных, как представляется, не только в медицинском, но и в криминологическом и социально-правовом смысле явлений, что следует признать нежелательным ни в научных, ни в учебных, ни в практических целях. Разные оценки, безусловно, имеют разный юридический смысл и приводят к таким же разным по значимости социально-правовым последствиям.

В криминологии довольно часто используется дефиниция «психическая аномалия». Как отмечает Н. Г. Иванов, «...в юридической литературе отсутствует четкая позиция по вопросу о понятии психической аномалии, что вызывает многочисленные споры и противоречивые выводы» [11, с. 27].

Рассмотрим подробнее значение слова «аномалия». Изначально понятие «аномалия» предполагает отклонение разной степени от нормы. Данный термин в педагогических словарях отождествляется с девиацией.

-

[©] Кулаков А. В., 2012